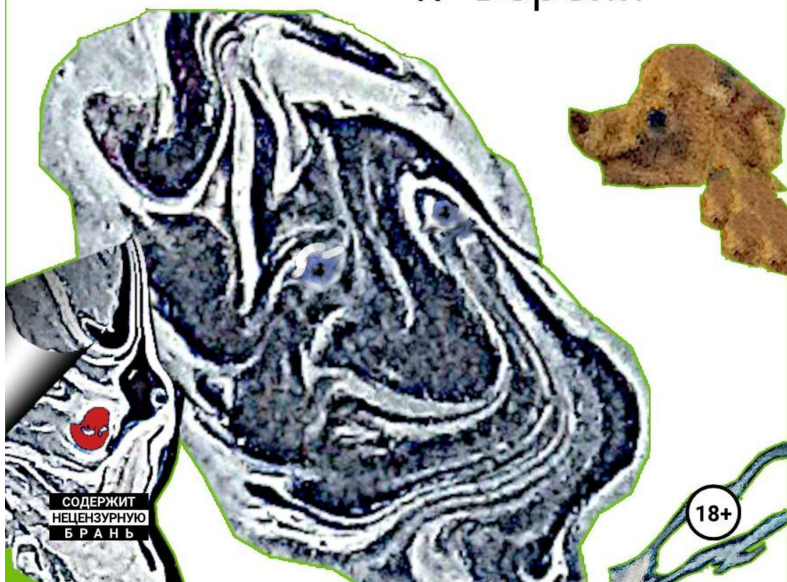

С. Огольцов

Алгоритм Хаоса

R-Версия

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Николаевич Огольцов

Алгоритм хаоса, R-версия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73339723

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир, где лгать бесполезно, ибо мысли вечно живут в ноосфере. Даже мысли людей, которых уже не стало. Их мысли расскажут, как всё было на самом деле. "С приездом!" – Сказал Вит. – "В новый блистающий мир!" (Вернее, он это подумал, но разницы уже не было никакой.)

Сергей Огольцов

Алгоритм хаоса, R-версия

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ
СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛО-
ГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОН-
НЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕН-
НУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

1

Не предисловие

Все предисловия, введения и им подобная белиберда свой век отжили уже по полной. Их терпят в составе книг чисто по привычке, в качестве маркировки, сигнализирующей – тут вот начало, теперь листай отсюда, пока не мелькнёт «глава 1» или другой знак такого же примерно типа.

То есть, все эти досужие толкования словесной шелухи в ступе сохранились как дань традициям книгопечатания, и она, дань эта, тает на глазах – неудержимо. Закономерный факт: кому охота на них время тратить? У нас, чай, не XV век на дворе, мы уже прогрессом усвистатые в эпоху мобило технологий.

Вот и пропускаешь этот сигнальный флажок начала, и я тоже пропускаю, как любой-всякий нормальный человек, который регулярно проверяется тестом на IQ. Типа: ого! 5%

разницы с прошлым разом!

И потому, шагая в ногу с требованием времени особо не вникать, что там конкретно вводится, мне тоже правильное будет похерить эту старомодщину, и просто коротенько объясню, откуда вообще взялся этот хаос алгоритменный для заправки в книжку “Алгоритм Хаоса”.

Началось тем, что, в общем-то, уже втянулся, как-никак 6 месяцев блокады – пора привыкнуть. Нет, ну, помнить-то, конечно, помню, какой-то закоулочной извилиной, что да, в любой момент сюда могут нагрянуть с этнической чисткой, с очередной необъявленной войной. На крайняк, по последней моде, спец-воен-операция – тоже красивая скороговорка. Такая полоса пошла – не экономят на словах ничуть, вместо “голод” щедро прощебечут: “гуманитарная катастрофа”, вот и внесли посильный вклад.

Но пока они (кто? Где?) нажмут Мощнейше Жуткую Кнопку (МЖК), пока “Подъём!” сделают, пока выведут на позиции, пока расчёты займут места согласно боевого расписания, пока наведут, пока пойдёт прозвонка и прокрутка и – вдох... ох! выдох-вдох... и – уй! сколько ещё всяких других “пока” – мне чем-то же надо заполнять всю эту прорву вечности, верно?

Хорошо хоть есть чем. Не первый уже год, как подсел я на это дело, на писательство. У меня данный процесс довольно-таки затяжной и крутоверченной методой происходит. В момент зачина предложения, дальнейшее для меня в

тумане: какую линию поведения оно изберёт и куда выкрутит свой конец. Бреду на ощупь через их (тумана и предложения) непроглядность. А конец абзаца из двух-трёх таких же заиксованных вообще за тридевять земель. Его никакими силами представить невозможно. Тут уже вместо тумана лес дремучий или типа как пробираешься по виртуальному миру в компьютерной игре.

В начале абзаца трущобный задний план, какой-то тупичок или улочка кривая, баки мусорные. Куда бредёшь – Бог весть, но тут вдруг резкий поворот, и твои ботинища топают по геометрически чёткой брусчатке тротуара, вокруг яркие огни, квартал игорных казино и ресторанов. Добро пожаловать в конец абзаца!

Ощущение оживлённых завихрений в окружающем пространстве напарфюмеренного воздуха. Дамочки в роскошных прикидах, на лицах боевая раскраска в стиле «шасоблазню!». Тусуются фраера тёмных профессий, бросают уклончивые взгляды: ну, чё? куда теперь?

А да как будто я знаю! Потерпите до конца следующего абзаца, там видно будет... И от этого всего, у меня сформировалась твёрдая идея фикс, что моя писанина не совсем то, что обычно сходит за писательство.

Что это не я пишу, а через меня пишется. Однако кем и откуда? Ну, в конце какого-нибудь из будущих абзацев. Может быть, как-то выяснится... если...

Называй это “эскапизмом”, если есть охота. Но что ещё

мне остаётся делать? Человек я маленький, застрял в этой х... то есть в ситуации этой, где в любой момент может выскочить конец света какой угодно масти и ориентации.

Но невзирая и вопреки, трудолюбиво культивирую в себе ростки оптимизма. Поэтому полный список возможных концов света излагать не стану. Хотя и мог бы. А кому невтерпёж узнать детали десятка ближайших катастроф пускай зайдёт в Гугл и ахх... ну, то есть, охнет от ужаса.

Эти концы света до того огромные, что мелкой рыбёшке моего калибра в ихних масштабах делать нечего. Так что пускай сами между собой разбираются: кто за кем у них в очереди стоит.

А мне своих забот хватает, в том числе, как скоротать всю эту тягомотину писательством.

Первым делом, необходимо сюжет раздобыть. Без него трудно врубаться о чём ты вообще пишешь. И что за чем идёт, и к чему клонит...

В общем, удерживает тебя от полного сдвига. Без сюжета, просто блуждаешь в хаосе. Он твоя Путеводная звезда в чуждальных морях неведомого полушария, для которого у тебя карт и близко нет. Географических.

Короче говоря, без него оказываешься в таком хитроверченном лабиринте, откуда очень мало кто вообще возвращается. Считанные счастливики. Статистика их количеством просто пренебрегает.

Но даже эта пара придурков, которым хрен его знает как

удалось вернуться, была встречена с нескрываемым подозрением.

Типа, Тимоха, это ты, что ль, братан? А чё я тебя не помню? И маманька дверь тебе отпирать не хочет, а Мухтар твой на тебя лает и бросается?

Отсюда совет мой, по-братски, всем кто подсел на писания, как и я: не стоит рисковать с той хренотенью хаосной. Тихо молча, найди себе сюжет посимпатичнее, чтоб не создавать лишних проблем ни себе, ни людям.

И тут, конечно, встаёт скользкий вопрос ниже пояса: где его брать-то, этот грёбанный сюжет?

Как товарищу по несчастью, вот тебе, Валёк, мой прямой ответ: да х-хрен его знает!

А и в то же время остаётся 100%-вый факт, что кой у кого этих сюжетов – завались. На чердаке уже места не осталось, куда их складывать, через слуховое окошко вываливаются. При ходьбе, на каждый шаг они налево-направо плюхают, эти сюжеты грёбанные, оттого маршрут прогулок пришлось ограничить задним двориком на личной даче. Типа домашний арест с видом на забор соседа.

И, спрашивается, откуда такое счастье? Не иначе подземный туннель в сюжетные копии царя Соломона по наводке дружка археолога. Предположительно.

Алкоголизм в археологии – это уже отдельная тема, и очень болезненная. Однако мне личными глазами доводилось видеть (совершенно случайно, и после неоднократно

пожалел, что не успел зажмуриться вовремя) список бестселлерных книжек из 400 названий! Тут уже явная прослеживается связь с летающими тарелками.

Более того! На дистанцию вышла уже её соперница, стучит копытами в галопе и хрипло дышит в холку лидерши – 387 печатных изданий обширным тиражом!

А это уже далеко не фиг собачий. Данная парочка этих дамочек сделали уже Кинга по имени Стивен, а к нему в придачу двух Александров по фамилии Дюма. Трепещу за мужскую долюшку в грядущем мире. Горькие слёзы солидарности мне взор застыт и капают...

Впрочем, изначальной темой у меня было писательство, а не эрзац-заменители для кухонных столов.

Проблема, чья верхушка айсберга была слегка затронута мною (со всей деликатностью, доступной моей тонко чувствующей натуре, чтобы не отвлекать занятых людей от их рутины монетизированного прозябания во всё более деловом мире) не так уж и нова. С ней неоднократно схватывался ещё даже и А. Пушкин. В самые жаркие моменты поединка, он взывал к нянюшке своей, крепостной старушке:

– Куда ж нам плыть?

Это таким завуалированным макаром выпрашивал он у Арины Родионовны сюжет, ну, хоть какой, пусть самый завалящий. Ну, а она ведь не завод ему сюжето-прокатный. Поэтому чаще всего он посылал старушку за кружкой, чтобы на пару хряпнуть с горя. И это информация из первых рук –

нам в 5-м классе этот стих надом задавали, учить наизусть.

А тут – хрясь! Гром среди ясного неба. Вполне недурственный сюжетец подвернулся мне, даже без няньки. Сидел, оказывается в моём персональном компьютере, и помалкивал. Правда, на английском. Но мне и это в масть – значит, не успел оскому набить русскому слуху, изнеженному изысканным изяществом обиходной речи...

Конечно же я ухватился переводить для соотечественников родимых... пусть не по крови, но по планете – точно.

2023-05-05, Нагорный Карабах, Степанакерт

2

Не эпитафия

Это не то, на что смахивает!

2 дальнейших абзаца – и близко не эпитафия.

Отнюдь нет. Это последнее предупреждение педантичным чистоплюям, натасканным вынюхивать и облаивать всякое живое слово и объявлять его ненормативной лексикой.

«Дорогой/ая/ое!

Закрой тихонько эту книгу, ещё раз ознакомься с названием, попытайся понять смысл, а после задумайся, да углуби: оно тебе надо? К чему рисковать своей вменяемостью в уютном, притёртом под тебя мирке за три-девять земель от нашей повседневности».

...

Вокруг да около под маской Пролога

3

а) Что привело меня и спорт к разлуке?

Поныне просто ума не приложу, что между нами не срослось, хоть ведь и были мы буквально созданы друг для друга: я и тяжёлая атлетика. А ведь какая бы, казалось, пара вышла: я и она, самая зрелищная красава из видов спорта.

Ты только присмотришься, насколько нежно тяжелоатлет втирается к ней в доверие через талию стержневого грифа с блинами, навораченными с двух концов. Он – сама нежность в бархатном приседе рядом с ней. Глаза отвёл куда-то в сторону, чтобы заранее её не спугнуть. Потом вдруг – нна! – как дикий варвар рвёт всю эту грёбаную массу металла с пола. Дерганул, вскинул и – держит над головой, как типа высматривает в какую её пропасть, чтоб никому уже кроме него не досталась. Романтизм зашкаливает буквально.

Так подержал чуток, подрагивая копчиком, и как хушарахнет об пол, откуда и брал. А если спортсмен не слишком адекватен по теме сдержанности эмоций, так ещё и рывкнет вслед, что-нибудь типа: «А! Бичара!» Хотя за звоном блинов достоверную фонетику уже не разобрать.

Порой он может даже прыжок сделать на месте, но тот не слишком впечатляет. С учётом комплекции тяжеловеса, ему не одолеть планку даже на высоте в полметра, пусть хоть и шестом подпихивается.

А штанга тем временем дозвякивает-плачется помосту на грубость обращения, от кого она не ожидала вовсе, уж до того он положительным прикинулся.

Тяжеловес же, малость отсопевшись, валит прочь словно флагманский ледокол гражданского флота. Впрочем, нет! Скорее как сухогруз, несущий всю эту его Джомалунгму мускульного мяса.

А неподалёку его уж пьедестал дожидается из 3 ступенек разной высоты. И он туда залазит (на одну), чтобы оттуда погибаться, пока ему шею опояшут ленточкой, с которой медалька телипается.

Тогда уж распрямится, пришмыгнет от души, и грудь колесом держит. Но ей не удаётся достичь предела, насколько брюхо из него торчит. И тут он начинает натягивать на рожу задумчивое выражение, типа такой уж весь из себя любитель музыки, отпетый меломан.

Потому что в этот момент звучит гимн государства, которое его послало госчесть защищать. Или же другой страны гимн, чей здоровила стоит на самой верхней ступеньке пьедестала.

А и к тому же флаги разноцветные висят с шестов, которых тоже три. Ну, красота же ведь!

Да... Однако вся та привлекательность влечёт не постоянно, даже не представляю почему. При всей манящей красе данного вида спорта, я как-то чувствовал-таки – нет, не моё это. Все эти блины со стержнем натёртым – аж блеснит.

А позднее, когда мои юношеские болезни по случаю Олимпийских игр из теле-ящика поутихали, мне постепененько дошло. А ведь мужики не за просто так под штан-

гой той карячатся! Один квартиру себе из-под неё выжимает. Другой, чтобы посадили его. Нет, не в смысле по статье, а в како-нито комитет попредставительней, как заслуженного оборонщика госчести.

И это правильно – не для того же он себя мышечным качаньем изводил, да брюхо наращивал, чтобы потом в шахтном туннеле вагонку скидывать на рельсы, с которых она забурилась. Там, под землёй, такую трудовую операцию зовут «пердячий пар».

Хотя есть и оставшиеся в пролёте – без медальки, но с хронической грыжей. Спортивный риск неотменим.

И исходя из таких соображений, спорт не сумел завлечь меня по полной. Ну, разве что спортивная гимнастика, или одиночное фигурное катание у женщин. Но опять-таки до поры до времени, пока не вырос у меня вкус к формам на полотнах Рубенса.

И это жаль, конечно. Потому что спорт – это жизнь. Тебе любой хоккеист скажет то же самое. Ну, хорошо, соглашусь – сказать ему не с руки, но хотя бы прошепелявит. У хоккеистов столько зубов повышибало на жёстком льду ледяной арены. Они там все пришепётывают. Все до одного. Все как на подбор, типа витязей дружины Дядьки Черномора.

Хотя нет, по моим расчётам, те больше булькают, чем шипят. Они ж ведь из пучин морских выходят, как Флотские Спец Котики в сериалах Нетфликса.

А что касается хоккеистов, так они после финального

свистка, как уж коньки скинут, рты обувают в протезную пластмассу, чтоб им было улыбаться чем. Но всё-таки транжёж их остаётся неразборчивым. В этом и заключена основная примета их профессии.

Как правильно заметил Р. Рождественский в своих словах на музыку Арно Бабаджаняна: «От каждого по способности, каждому – его отметину и колокола».

Хотя, нет, погоди! Это Микаел Таривердиев, грузинский армянин, написал музыку для того хита:

тын-дын-дын ты-ды-ды тын-дын-дын

Крутой тут у него ритм, кстати говоря.

В общем, по такой вот причине, я покинул спорт. Расстались мы так и не познав друг друга до полного интима.

И дальше мне, хочешь не хочешь, пришлось присматривать другие сферы приложения себя любимого.

4

2). Конвейер грёз

«Прости-прощай!» – Сказал я спорту и отряс пыль рухнувших надежд (что, к счастью, никого не придавили) с гаревых дорожек, которые уже успел проложить в своих мечтах к своему чемпионскому будущему. Я и моя спортивная карьера разошлись, как яхты на регате, но в приливах ностальгии мне до сих пор вспоминается её белый парус и штурвал в моих крепких руках.

Однако пришла пора прокладывать новый курс к применению моих недюжинных способностей и небывалых лич-

ных качеств.

Изредка, но всё настойчивей, меня начали посещать мысли о кино-индустрии. Почему бы не применить несравненного меня в качестве исполнителя заглавных ролей? И вслед за этим вопросом в мои раздумья затёсывался следующий. Каким путём войти и покорить мир Серебряного Экрана?

Запрячь в свою тачанку (метафорическую) клячу российского кино и погнать в лобовую атаку за главным призом Каннского кинофестиваля не получалось. Россияне продолжали заунывно штамповать на тему доли воровской и эпопеи про долгий путь к победе. А жюри Золотой Пальмы, этой лахудры фикусной для символизации приза, уже успело подсесть на любовные истории в откровенно лесбийских ракурсах.

Сомнений нет – с нынешним уровнем пластической кройки, шитья, и глажки, особых проблем не предвидится. Тут силикона подложить, там орган спрятать начисто, под корень, и – иго-го, моя лошадка. Вперёд галопом!

На съёмки настолько неприкрытой простоты, что у воинствующих фундаменталистов отвисает челюсть, а сами они висят в стоячей неподвижности, как пациенты из палаты кататоников.

В сцены, что вызывают вопли возмущения в рядах ВЗЖ. Организация Всемирной Защиты Животных всё ещё борется за глобальный запрет показа фильмов, удостоенных премии Каннского фестиваля осьминогам. Тут речь о головно-

гих узниках в «научных» лабораториях осьминожьих ферм. ВЗЖ, по давней своей привычке, вступила в зазнамо проигранную битву. Лаборанты осьминожьих ферм, – где тех перерабатывают в консервы для полок морепродуктов в сухопутных супермаркетах – обнаружили: при показе каннских фильмов осьминогам, у тех начинает расти непредвиденный щупалец, девятый. А это дополнительные 15 консервных банок деликатесного продукта от каждого головоногого в возрасте 2 лет. И самое вкусняшка, что дополнительная прибыль не требует материальных затрат! Всё сдаивается из волшебной силы искусства...

Конечно, ВЗЖ взялась доказывать, что головоногие умнее людей (достаточно сравнить размеры черепа)... Обычный образчик обычного лузерского бла-бла...

Однако тут: «Тпру!» – Вскричал я, да ещё ногою трахнул в пол. – «Не дам попортить такого красаву!»

Ведь он (это я про себя) вполне заслуживает, пусть хоть и нарцисстичной, но всё-таки любви и уважения. Доступнее говоря, послал к чертям собачьим все тех пластических хирургов.

И чё теперь? Или, что ли, на УзбекФильм махнуть? Звездарить там в их психологических триллерах?

Ну да, согласен, идея не из породы вселяющих восторг. Ведь и ежу понятно, что тамошние режиссёры решают мизансцены, догнавшись травкой из местного сырья... А это, блин, такая дурь, что и не снилась м-ру Снуп Доггу в его Ну-

Хер-Йорк Сити. Хотя у него тоже неплохие есть контакты. Пару минут в глаза его фотке всмотришься и – поволокло в улёт...

Довольно прискорбная картинка в конечном итоге вырисовывается, насчёт затихариться в какой-то из бывших братских республик Союза нерушимого.

Ну, и куда теперь валить? В Голливуд?

Так там вся очередь на главные роли в блокбумбастерах расписана на внучатых племянников Иосифа Кобзона. И до того ж обнаглелые, те династические отпрыски! Тётя Фаня Цмперович им уже не то что не конает, а и не котируется даже!

Так я и закатился в крайний угол, с лузой Булливуд индийского кино. Последний шанс крючок закинуть и поглядеть, как фишка ляжет.

Однако даже тут не без подвохов. На протяжении 2-серийного фильма надо закаблучить с десятков танцев, ещё и петь при этом.

На тему хореографии, конечно, без вопросов – после второго стакана сам удивляюсь, откуда что берётся, в коленцах этих.

Но с пением коса легла на камень. У меня ж только орать и получается, в манере В. Высоцкого. А все те фальцетные партии типа: «Джимми-Джимми! Ага! Ага!», тут уж извини-подвинься при оценке с трезвой позиции.

Исходя из таких причин и швырнул я всё кинопроизвод-

ство, как кость собакам от рыцаря на пиру Круглого Стола: «Грызитесь, недотёпы!»

Хотя и взгрустнуть случается, по утрам, когда отскабливаю свою рожу от щетины. Гляну в зеркало: «Эх, братан! Какая б троица была б 3-х мушкетёров – ты, Бельмандо, да Ник Нолте! Все эти комнатные одуванчики и не мечтали о таком».

А да пошли они! В ихнюю песочницу: в дочки-матери играть, изображать войнушку и крутых бизнес-мальчиков. При чём, хоть он бомжа играет, хоть олигарха, а разница одна – прикид из костюмерной. И вся эта мурятина-серятина по кругу, кругу, кругу...

Но все как один великие актёры (я вас умоляю!) без исключения.

Вот и шагаю теперь по жизни, как по музею исполинов ископаемых. И где только нарыли всю эту птерадатилиятину?

Короче, с той степью мне тоже оказалось не по пути. Абсолютно...

5

в). Не жди милостей от природы; драть их с неё надо научными методами!

А если кому любопытно знать в какое общее состояние меня киданула пара трагических обломов:

- 1) все олимпийские медали послали мне воздушный поцелуй, прощальный;
- 2) Оскар за главную мужскую роль взмахнул рукой: по-

ка-пока!

То пускай утолит свою любознательность полотном В. Васнецова «Рыцарь на распутье».

Вот он я, просто вид сзади и почему-то не в джинсах, сижу на Савраске, грустно взираю на валун. Размышляю: а не свернуть ли нам с лошадью в науку?

А почему бы нет? Тем более, что организация моего внутреннего мира вполне располагает к такому поприщу. Ни у кого мне ещё не попадался настолько научный темперамент, как у Савраски и меня. Такая неустанная находчивость и бесконечный потенциал. Особенно, когда надо обдумать что-то. О! Это самая сильная из моих сторон.

Иногда, как задумаюсь о чём-то, то так всё думаю и думаю... Уже и позабуду начисто, о чём конкретно, а всё равно думаю... Не просто по инерции, а оттого, что люблю этот процесс.

К тому же, во мне жилка исследователя сидит.

Допустим, подвернулась в руки какая-то непонятная хреновина, про которую даже невооружённым глазом видно, что рухлядь полная, на выброс. Но нет! Мне непременно надо её до последнего винтика разобрать. И только когда от хрени останется кучка железяк, но от чего конкретно по-прежнему х3. Тогда уж, с чистой научной совестью, волоку ту грудку запчастей из до Р. Х. на мусорку.

И спрашивается почему, располагая такой одарённостью, я так и не сошёлся ни с чистой, ни с прикладной наукой?

А если кто-то ожидает, что тут хлынет перечень несостоятельных научных допущений, извращённых парадоксов, не отвечающих уровню моей морали, то вы, друг сердечный, сунулись пальцем в небо. А это уже нездоровая тенденция. Наезженная колея выходит – спорт я порвал в клочья, по киноиндустрии бульдозером прошёлся. А ну ж, какие дыры накопаю в области науки?

Забудь, дружище! Беспочвенны твои агрономические ожидания. С наукой у нас полный нормалёк, дерзаем на любые тайны матерчатого мироздания. И о духовном тоже задумываемся, в установленные трудовым законодательством часы. Единственное отставание, обидное, но неизбывное – это здравоохранение.

Здесь всё перевёрнуто с ног на голову, охранять начинаем пост-фактум, когда беда уже случилась и остаётся только отворять ворота.

Здравоохранение должно хранить упредительно, а не когда супостат проник в твои пределы и выстроил тут оборонительные линии болезни, чтобы стратегия спасения перешла в руки фармакологических спрутов. А уж те своего не упустят! Раскошелят страждущего так, что мама рОдная не узнала бы, если б тоже на таблетки не подсела, и теперь для неё все на одно лицо – Брюсы Виллисы.

Однако чтобы выжить в нашем продвинутом мире, одной химии уже недостаточно. Необходимо твёрдое духовное обоснование на твое право продолжать борьбу за существо-

вание. А право это обретается духовной гигиеной, если и дальше хочешь быть здоров как лось. Что и определило мою линию поведения на хитроверченных раздорожьях жизни.

У меня всё напрямки. Коль начинаю говорить, то режу правду-матку в глаза, без экивоков и прочих забугорных финифтей.

Такая линия облегчает мне жизнь в дальнейшем, когда идут расчёты и разборки с подведением черты за счёт ресурсов организма. Она снимает грызущие сомнения. Содержит здоровье неподточенным. За то, что не опускаюсь на одну ступень с подонком особой обтекаемости, что соответствует запросам рынка и диктату политических и сексуальных установок.

Не обмениваю себя на модные удобства и незаслуженные блага. А самое главное, не напуская мнимостей вокруг себя. В них главный корень угрозы для здоровья, когда вместо «я хочу тебя!» говорят: «С вашим контральто можно и в Ла Скала выступать!», а вместо «Одолжи десятку до полочки», – «Какой крутой у тебя сегодня галстук!»

Но в остальном, как уже отмечалось, у нас на научном фронте всё ништяк.

Так что ж конкретно спасло науку от великих открытий с моей стороны? От таких, что ни Энштейну, ни Тесле даже во сне не снились?

При всех талантах моей многоплановой натуры, буквально созданной, чтобы пинать вперёд науку, во мне засел также

и досадный недостаток. Всего один в списке моих недостижимо неоспоримых качеств. Пустяк, казалось бы, но он то и перекрыл мой путь к сияющим научным горизонтам, а вместе с тем сделал меня недостижимым для обездоленной науки.

И это (тут у меня исходит горький вздох) моя врождённая непоседливость. При чём, эта сучара действует избирательно.

Допустим, я могу сидеть часами, буквально напролёт, затяжнее, чем чайки над буюм, теребимом волнами, несъедобным, из листовой стали третьей марки толщиной в 3 мм – за компьютером, над микроскопом, или под машиной телескопа Хабб (хотя двух последних из перечисленного у меня нет, пока что, как и велосипеда).

Однако стоит меня позвать на собрание какого угодно уровня – ЖКХ, дачного товарищества, а хоть и ассамблея ООН (всего более терпеть ненавижу родительские и отчётно-выборные профсоюзы, хотя и при других у меня резко скачет артериальное давление, а мочевого пузыря переживает пик активного наплыва) – я испаряюсь под предлогом слить избытки.

Как раз таки эта самая непоседливость и послужила камнем преткновения поувесистей, чем перед длинногройшей лошадушкой на картине В. Васнецова. Бедная животина никак ума не приложит: слева или справа обойти ту булыгу грёбаную? Один к одному – мой случай в отношениях с наукой, там ведь без собирушек невпротык. Если не конференция,

то доклад, обсуждение, слёт, коллоквиум, симпозиум...

Ну, представить хотя бы такой, вполне предсказуемый расклад: прибываю я в Стокгольм забрать свою Нобелевку за беспримерное открытие в области кванто-механических достижения, м – пожалуйста бриться! – оказывается, тут перед вручением надо ещё церемонию представления отсидеть.

А вы мою непоседливость спросили? Оно ей надо или нет? Отсюда вполне естественный финал: извиняй, человечество оставленное без моих открытий, но даже во имя твоего благосостояния и предстоящего слияния с ИИ, на самоизнасилование не пойду.

Уж какой есть, такой есть – изменениям не подлежу. Ослиное упрямство? Да называйте, как хотите, сути дела это не поможет. Сергей они такие. Похоронный чёлн одного из них, вместо того, чтобы тих-смирно повлечься вниз по течению, попёр вдруг против, вопреки устоявшимся ожиданиям. Хотя в то время (16-й век) наука ещё и не мечтала о подвесных лодочных моторах.

(Совет начинающим родителям: Имя для своей крохи ненаглядной выбирайте с бережением, дабы в дальнейшей не плакаться: «Ах! Он такой неуправляемый!»)

Кусание собственных локтей – не самая лучшая закуска, делюсь опытом, как благожелательный проффесионал.)

6

г). Найди себя и передай штурвал найдёнышу

Теперь, для тонуса и оптимизма, попробую предполо-

жить, что кто-то продержался в чтении аж до этой строчки и, дедуктивно ухмыляясь, бормотнул под свой выносливый нос: «Что ж тут неясного, теперь заведётся поливать систему образования!» – то вам, милейший доктор Ватсон, с такой провидчивостью ни в секу, ни в очко лучше не играть.

Отнюдь не оттого не возлагаю десницу карающую на выю системы нас форматирующей, что якобы нет в ней огрехов и упущений – какой там! Кто только не раскладывал эту профуру во всякой позе, от непотребно мыслимых до самых невообразимых. Но, по причине жалости к ней болезной и, преисполняясь состраданием по горло, способен выговорить я всего одно лишь «Эхх!», а дальше прут сплошь междометия, хотя по смыслу не совсем пристойные, но не лишённые оттенка мягкой грусти.

«Ныне отпускаешься, поди уж отлежись, лахудра, до следующей реформы».

Как джентельмен-самородок, я дальше в эту тему вдаваться не намерен, а прямиком перейду к той, наконец-то, куда вело моё кругохождение окольными путями вразумления.

Шапки долой, господа! Тут вам не дамки полусвета, а прекрасная леди Беллетристика!

Предвижу всё – кривоватую усмешку на лицах тех, кому неизгладимо пофартило столкнуться не с трамваем, а со мной в их жизни: «да какой там из него беллетрист!», и высокомерное: «чего он лезет в наш калашный ряд?» – от сановито прогнутых Лауреато-Номинантов, и: «во борзбый!» – от

шмяко-штамповальщиков конвейерного читыва, и: «беее блюбля!» – от контр-культурно пукающих золотарей.

Какой я беллетрист?

Вот уж чего не знаю, на то не обижаюсь. Как видно – не судьба. Местами нравлюсь сам себе, местами – нет, в зависимости от дозы впечатления и, как вариант, от времени суток. Да, пребываю в неведении беспросветном, раз мне никто обо мне не пояснил – на кого смахиваю и куда качусь.

Однако неуклонно верю – беллетристами не рождаются, ими становятся по своей неволящей охоте. Иного пути нет.

Вместе с тем, не стану отвергать возможность наличия крупниц истины в оценках моих критиков, что до сих пор не объявились, как будто я их, что ли съем! Видать попрятались: кто в холящую сень фамильных груш или антоновок, литерато-династичных; кто в шум-да-гам забегаловок с пивом на разлив.

Ну, и держите те крупницы при себе. Любому с каждым по силам оказаться правым, если встанет с той ноги и в правильных окажется, как месте, так и времени.

Но до чего же жалки тщасиися застолбить и правоту, и место за собою, на все единогласно последующие сроки. А ведь находятся и до такой степени свихнуто лоханутые. Надо же – столбить время!

А вы, гражданин, не ёкайте тут своей верноподданнической селезёнкой, мой комментарий про Муамара Каддафи. Пока что. Хотя кирдык у них предельно одинаков – сточная

канава, а в ней недавний царь и бог, крысью на корм. Отбанковался очередной паханчик...

А во-2-х, что мне ещё осталось, когда душа не лежит к рыбной ловле на спиннинг или удочку, ни даже на мормыжку? А и плюс к тому, не болеется мне как-то за Реал с Манчестером, а хоть и за нашу дворовую команду футболистов. Что делать?

(Блин, мне где-то мне эта фраза вроде как попадалась. Неужто плагиачу?)

Ответ прост: осталась тебе, хлопец, прямая дорожка, в беллетристы. Аминь.

Но тут же вскакивает каверзный вопрос – «а зачем?»

– Вы спрашиваете «зачем»? Товарищи! Тут гражданин интересуется «зачем?»!

(– Не удержался, нет? Спёр у Довлатова таки!

– Дык, батюшка! На то они и великие, дабы нам, грешным, было б на чьих плечах стояти!)

«Зачем» вопрос, конечно, правомерный. Да, скрывать не стану, пылал и я завистью жгучей к полубогам с корочками Союза Писателей, и грезил жить на выручку от изданных – где-то, кем-то – тиражей моих книг. Потом однако плюнул на эту херню (невозможно описать до чего охотно она угасла!) и теперь пишу для личного своего кайфа, а книги публикую в интернете для всеобщей бесплатной скачки.

Правда, Литрес мою продукцию клеймит арифметически: «18+», а в Забугорье, этот ребус переводят, как «книги для

взрослых».

Так что спокойной ночи, малыши, моими книжками вас бабушки не будут в сон вгонять. Не стоИт у меня перо на малолеток западню воспитательную готовить.

Да, пишу, чтобы получать удовольствие, тем более, что в моей биографии имеется пробел – не освоил мастурбации, хоть итальянское кино и Голливуд упорно рекомендуют и пропагандируют. Ну не оттудова, похоже, руки у меня растут для заполнения досуга модным трендом.

Вот это, наконец-то, и довело уткнуться в заключительный вопрос по затронутой теме: Как писать?

А в ответ начинается другая уже картина, кисти Репина, – «Бурлаки на Волге», с беспримерным напрягом и вспомогательными пучками, для усиления момента тяги.

Вопрос настолько необъятный, что до отключения света не уложусь (у нас тут по случаю блокады электричество подаётся рациональными обрывками 3-часовой протяжённости, для втягивания в гармонично размеренный образ жизни), поэтому рассмотреть его надеюсь под следующей буквой предисловия, замаскированного под Пролог.

7

д. Вот оно и выткнулось, – шило из мешка!

В завидное времечко выпало нам жить. «Счастлив, кто мир сей посетил в его минуты роковые...»

Мир нынче тронулся, глобально. Бредут неисчислимо потоки беженцев по дорогам земли, вращая её ось. Бардак –

повсеместный. Однако не все ещё утрачены точки соприкосновения людей, и одна из них – проза.ру. Поклон за это ей земной и многие лета.

Святое место встреч с любезными мне соотечес... нет, извиняюсь, чуть было не заврался. На прозе.ру таковых не наблюдаю.

Да, немало кому из нас досталось одно и то же историческое прошлое – в общих колоннах, бесконечно дальними дорогами угонялись предки наши за фронтовыми похоронками или на выморозку в лагерях, а также выводились тесными толпами на первомайско-октябрьские демонстрации. Они писали доносы друг на друга в нарком внутренних дел, ставили друг друга к стенке в одних и тех же подвалах ЧК. Одна и та же хромосома добавилась нам в гены, полезная при составлении «туфты», а также при даче взяток ревизорам сверху.

Нас глубже, чем кого-либо, умиляет памятное обращение Н.Хрущёва к Генеральной Ассамблее ООН —

а уж как содрал добрый молодец башмак с ноги своей богатырской, да каблуком его, да по трибуне по высокой, до блеска полированной, да с гиками молодецкими: «Я покажу вам кузькину мать!». То-то почесались в ту минуту синхронные переводчики!

(Для поколения милленни-умников, мало натасканного к игре «Что-Где-Когда?», поясняю – главой был Никитушка необъятной Советской державы. Ума – палата! Ух, олова!

Даже и с похмелья – полный «ух!»

То коммунизм народу посулит точнёхонько через 20 лет, то лозунгом поманит: «Да мы Америку нагоним и перегоним!»).

А уж как трахнулся СССР коллапсом, да разметала нас судьбина горькая по разноудалённым державам из осколков Союза нерушимого, то и не осталось у меня уж соотечественников, а одни только со-язычники, на прозе.ру пишущие, всяк в меру своей орфографической осведомлённости.

Именно к ним, любезным моим со-язычникам с остро выраженной графоманиакальной зависимостью, и обращается мой вопрос:

Как писать-то? Ну?

«Писать» не в смысле парой пальцев пластмассу полустёртых букв из пластмассы клавиатуры вышибать, затюкивая бедняжку «клаву» до победной точки, а в смысле качества – как?

Да чтоб аж до пяток пробирало, до самовосхищения: «Ай, да сукин сын!». Вот же ведь какого кака хочется!

Нет, ну, нынче-то оно, конечно, без проблем, касаясь сертификатов, дипломов, мастер-классов с вебинарами. Однако со-язычники мои – публика тёртая, при понятиях. Мы на фантики не купимся, на макуху не подсядем – нас от неё пучит.

Мне думается (иногда, но подолгу), тут нужен форумный подход и добровольный обмен опытом. У каждого же ведь

найдётся выстрадавшая фишка, финт, который тупо – работает! И данным манифестом под карнавальной маской предисловия (чтобы свидетели сбивались в показаниях), пребывая в здравом уме и трезвой (на текущий момент) памяти, закладываю краеугольный камень безвозмездной раздачи накопленного: как писать так, чтобы впоследствии не стыдно было.

Подходы к творческой, напряжённо стоящей задаче бывают разные: трезвые, поддатые, мышечно-движимые... Первые два ясны интуитивно, методу третьего не помешает объяснить.

Гражданин со склонностью к подобной деятельности (далее по тексту «двигатель») закупает пару (можно 3) пишущих ручек, а также пачку бумаги для принтера, размер А4, и принимается строчить. При этом двигатель иожет даже и не заглядывать, что конкретно он там наяривает. Ни плана тебе, ни системы, не говоря уж про сюжет. Мышцы, мол, сами разберутся, а его задача раскочегариться и войти в транс «автоматизма». (Что, кстати, является более кратким названием данного подхода.)

Наутро проверяет – чего там накопалось у него, по ходу хоровода его руки с пишущей ручкой по нелинованной бумаге листов А4. Занятие типа фигурного катания лунатиков под допингом.

Присмотрелся – уй, бя! Четвёртый том «Войны и мира» за одну ночь выдал! Ах-уеть! Четвёртый том, в четвёртый

раз, за один и тот же календарный месяц!

(А как будто – чего ещё хотел, когда на бесконтрольный самотёк пускаешь?)

Разочарую сразу – у меня такие номера не проходят, и их отсутствие подталкивает к повороту в «набитие руки».

Сама идея слямзена у маститого прозаика эпохи отстоя... что?.. Ни-ни! Прошу прощения за эпохальную оговорку. Отстой – это сейчас, а тогда застой длился.

Прозаик (фамилию не раскрываю из, отчасти, гуманных побуждений, но если что – пишите в личку) делился: «Сам А. П. Чехов обучал меня мастерству. Покладя книгу его рассказов перед собой, я переписывал их, построчно».

И хотя Чехов не довёл его до должности Председателя Союза Писателей (сам виноват, ему бы стругать себя с/под товарища Шолохова), но копиист дослужился-таки до стула зав. отделом военной прозы.

В чём зерно его истины?

Ощутимо повышается шанс набития руки, идя за чьей-нибудь спиной, след в след, – ветер меньше в рожу дует...

И на этом совлечены последние покровы с моего кругообразного хождения вокруг да около, осталось только разложить по полочкам и в рот положить – кто же конкретно будет взят за образец в производстве беллетристики, которая махрово расцветёт, когда заткнушь, в конце концов, с этим введением, оно же предисловие, оно же пролог, лн же манифест, которых всё никак не кончу.

Щекотливость не уступает важности вопроса (тут главное не дать маху, и на мах не слишком-то заглядываться, которые вымахивают суляще крутобёдрыми походками, заманивая в очередной вираж).

Однако прежде – очередное, оно же основное, отступление:

Взять и переписывать строку за строкой (у кого, наивный ты мой?), стопудово – тупо. Мне куда посподручней будет тупо переводить.

И снова вопрос: кого?

Не стану спорить, что после Джойса с Пинчоном вдруг браться за те же самые «50 Оттенков Серого»...

(А почему нет? Перефразируя счастливое выражение Хрущёва «Насерим и Пересерим»!)

Теоретически возможно, практически – засну за метр от старта.

Эх, была не была! Решено! Берусь за эту вот – The Algorithm of Chaos, недавно опубликована на Смэшвордз, и личность автора вполне надёжная. А Литрес, блюдя вековые традиции, долго запрягает с модерацией, у них там это генетическое...

На этом прологе конец, кто читал, но выжил – тот молодец.

8

1. Раз в месяц накручивать себя до плача? Зачем?

Гугняво зазуммерил вайбер своим допотопно-пещерным «зндыз-ын-зындыз», потому что Вит не торопился впадать и течь совместным руслом с фанатами поправок в настройки программ электронных средств коммуникаций и прочей персональной утвари. Перестановка галочек в квадратиках и точек в кружочках, с ходу, на лету, прежде чем сунуть упаковку в мусор. Теперь можешь с гордостью сесть на свой прежний зад, ты крут, ты полный гик.

Нет, он не таков, этот герой нашего романа, или таки повести? Неважно. Главное, что имя его уже мелькнуло, краткое, но выразительное, и дальше в тексте уже будет понятно, кто там основной.

К тому же, с изящной ненавязчивостью, мы приоткрыли одну из чёрточек его внутреннего мира: он стойко сносит рингтон, воссоздающий звуки в гнезде птеродактилей, где птенчикам пришла пора проклюнуть скорлупу, взломать яйцо и сказать миру своё персональное «зндыз-ын-зындыз».

Вот какую жуть Вит вынужден слышать при каждом звонке на его номер. Он терпит, и не меняет рингтон. Но почему? Вернее – чем. Чем вызвано его упорство? Отказ поискать и выбрать более приятный вариант? Хотя бы «пи-пи-пи!» пушистых жёлтеньких МакДаков?

Чего больше в его отношении к прошивкам и настройкам: желания поставить себя над стадом или элементарной лени?

Желающие могут сыграть в тотализатор. Мы принимаем ставки 50/50. Всё честно. Кто кого: лень или заносчивость?

Да, установки от производителя, неприхотливая хавка из древней микроволновки, покладистые блондинки без претензий – пойдёт! – он не привередлив, не крутит носом с видом крутого знатока. Ему по барабану последние пiski моды и тренды в среде продвинутых мудаков.

Пожужжат и переключатся на что-тонибудь ещё... Всем своим синантропным роем...

Однако сколько можно игнорировать птеродактилят?

Он снял свой Самсунг с голой столешницы, тронул значок «ответить».

На весь экран расплылся блин лица. Но поместиться ему не удалось, был вынужден остаться прямоугольным. Позволивший, в обычной для него манере, удерживал свой айфон чересчур близко к блинной физиономии. Почти впритык, как носовик, куда вот-вот прорвётся его простудный чих.

Апыч... Апч... Вчера просквозило, блин, где-то...

«Апч!. апыч!. Ччххуу!! твою ж распрое... апч!. апыч!» – Ну, и так далее.

Причём вполне здоров. Просто данный особь втянулся прятать от контактов свою развесистую лопаухость. Ну не больной, а? Скрывает щедрый дар матушки-природы (или всё-таки это Бог семерым нёс, но по рассеянности одному приставил?) С такой бесценностью давно б мог стать мегазвездой кинокомедий. Все предпосылки для карьеры покруче Мистера Бима. Или Бума? Но уж наверняка – не Бама... хотя...

М-да, давненько забил Вит на кино...

«Ну ты и лох! Всё комплексуешь? Юниор затруханный. Да с твоими такими данными, давно б уже в президенты вышел. Имидж – зашибись! Внимательные такие уши. Душевные. Столько заботы в их округлости – вот-вот обнимут.

Штампуешь на свой предвыборный портрет – кратко и броско: «Мы слышим голос народа!» – и даже ящики с бюллетнями шерстить не придётся. Без перезарядки изберёшься».

Всё это оквадраченному лицу в своём Самсунге Вит не сказал, он просто ему это подумал.

И вообще, шаманить и целить чьи-то психотравмы он не нанимался.

Да, ему известен вил растений, чьи соцветия отлично нейтрализуют комплексы, порождённые затянувшейся девственностью (чересчур длительной по меркам общества, давно свихнутого под гнётом тирании рынка и диктатуры политической готовности давать согласие на всё, что скажет руководство, которое знает всё, оно ведь руководство). Однако роль голоса в пустоте, превосходящей евангельскую пустошь, Виту никак нихт-нах не упала. Он не из породы оперных певцов, влюблённых в личный голос до самозабвения, готовых любоваться им не только в душе.

Поэтому вслух он произнёс, не напрягая свои связки:

– Что там у тебя, Лекс?

– Привет, Вит. Всё горбатишься? Она тебя ещё не догло-

дала? Твоя надежда слупить сто баксов с prozza.com? Стрекочешь клавкой тонну херни в день за крипто-хер-да-ни-хера? Забей, братан! Они там лайкают только членов своей шайки-лейки. В порядке очерёдности. Ты им ни сват, ни брат. Оно те надо? Ну чё ты буром прёшь на Кляксо-Клуксо-Клан?

– Мне, мин херр, все прозы похер. С каким угодно расширением: com, org, net. Я их использую, как точильный камень, навыки наостряю и персональный стиль. И тот Ежемесячный Вызов, на их сайте, с призом в \$100 – отличный стимул махануть через всегдашний у писателей барьер: «Полцарства за сюжет! Все темы высосаны насухо. Ах, априори!»

А на prozza.com терзаться некогда: нате вам «о чём» и – вперёд писаки!. Кто больше лайков соберёт, тому и сотенная. Время пошло, остался месяц без одного дня!

– Не мучай ни себя. ни «клавдию». Сколько ты «зелени» засыпал в закрома от этих ежемесячных забегов? Да у тебя на допинг уходит больше \$\$, чем в той призовой морковке.

– Ну... пару раз я приходил на финиш двадцатым.

– Ухх! Знай наших! В забег тоже стартанули вдвадцатером?

– Да, понимаешь, аудитория не та. Мыслят, блин, шаблонами Дисней-Ленда и Стива Кинга, малейший шаг в сторону их стопорит наглухо. Каждый лайк оттуда – это луч надежды понять друг друга, поверх барьеров из национальной розни

и обоюдных дебилизмов, привитых им и нам.

– Ну, да! А как же! Полное: «ну-да!» Должно быть, у них в психушках для богатеньких, больных пускают попастьись на выгон в интернете, вот и наскреблась пара неадекватных лайков для тебя. А возможно, из дома престарелых. Но ты крепись, братан. Тем более, что главное принцип, а не башли, верно? Ну сам подумай – что такое бумажка в \$100? Такая мелочёвка у тебя в кармане не залежится дальше, чем до первой встреченной тобой блондинки.

– Заткнул бы ты брендспойт своей проповеди, падре.

– Короче, у меня назрело дружеское предложение, Вит. От подобных шансов даже под пляской Витта не отказываются. Золотое дно, бля, нефтяные поля, ради которых Бритиш Петролеум и Шелл начнут одна другой волосья драть – за право отсосать у тебя на сон грядущий. Покруче, чем «Спокойной Ночи» Малышам. Колыбельная с элементами импровиз-джаза, ну как? Улавливаешь тональность?

– Не понял! Чтоб они мне мой вышками бурили? А не пошёл бы ты на хухорачу?!

– Да брось, мэн! Я ж чисто метафорически... Фишка в том, что такое может подвернуться всего раз в жизни.

– А! Теперь яснее. Ты уже откушал метафорического метамфетаминчика с того золотого дна и тебе схорошело... Ты забыл, что я воздержанец.

– С каких таких пор?

– Ладно, позвони мне завтра с утра, когда тебя попустит.

– Подожди-подожди! Я дело говорю!

– Тогда и говори по делу, а не накручивай, как начинающий сутенёр.

– Слушай, тут такая история... ну... материал, то есть... Прославит твоё имя, Вит!. Станешь знаменитостью как Пинчон, Джойс, Хемингуэй!

– А тот последний, это – кто?

– Хемингуэй? А хрен его знает. Моя бывшая раз в месяц замачивала его книжку слезами. Насквозь. Регулярно.

– Девушки и книги – вещи несовместные, не гони! Да и человечество давно уж усвистало из тех времён... В общем, ты приревновал, и мокрое имя застряло в голове, так?

– С девушкой из незатронутой глубинки можешь напороться на сюрприз, каких не ждёшь, братан. Короче. У меня есть файл с таким содержимым, что сорвёт башню всему миру за три дня. Просто нужен правильный чувак —

отредактировать, подписать своим именем и поутру, ещё до завтрака, быть уже великим. Ну как перспективняк?

– Уговорил. Только, ради спасения тебя от передоза твоим же трандежом. Скинь тот файл на мой имейл.

– Забудь, красавя. У меня с имейлами никаких делов.

И это правда, Лекс полностью зациклен на тему безопасности персональных данных. Наглухо тормознут фактически. Непоколебимо. Его неделю надо убеждать, чтобы послал тебе «привет-пока» и ссылку на сайт <http://:милая-бабушка/сказки-для-внучат/шарль-перро.html>.

Однако в последний момент у него как пить дать рука дрогнет, очко сыграет, и ссылка не дойдёт. Скорее всего, потому что пристроился в штат какой-то непонятной Конторы, что работает на правительство.

Группа приземистых построек за оградой из высокой толстой сетки. На каждом столбу камеры наблюдения. Угрюмые Ротвейлеры прогуливают своих собаководов три раза в день, вокруг парковки за периметром.

Самый простой способ отдохнуть от чик-чириков неумолчного Лекса – это спросить: что новенького сегодня на работе. И – всё. Минут десять как минимум, его не будет слышно. Весь глубоко ушёл в себя. Задумчив, сумрачен, заткнут...

Неслабо впечатлён, как видно, судьбой супружеской Еврейской пары, что тоже работала на правительство, до их прожарки на электростуле за слив производственных чертежей и формул А-бомбы в страну Советов.

– Да ладно, я пошутил. Не замочи постель сегодня ночью. Всё будет хорошо, малыш. Ну? Какую мороженку тебе купить? Чего ты хочешь?

– Как насчёт в два в «Хижине Дяди Тома»? Тебе удобно? Ну как можно отказать другу-корифею? Будь ты хоть миллиардер, торгующий данными пользователей своей нейросети, скажи «друг попросил» и – у сенатской комиссии нет вопросов...

Правда, одна коронованая простипома, нимфоманка на

престоле Российской Империи, советовала держать врагов к себе поближе, теснее, чем самых испытанных друзей.

Чтобы ощущалось малейшее движение их душ и помыслов, и что там ещё у кого встанет, говаривала она.

Тупая стерва, хоть и хитрая. Это за друзьями нужен глаз да глаз, 24/7. Вот уж кто знает твои слабые места получше, чем ты сам. Уж эти-то не промажут, нет. Удар придётся в самое небалуй...

«Ах! И ты, Брут!...»

Вот же долбодон, а? Другьям и карты в руки, когда понадобиться тебя чикнуть.

Пух праху твоему, грёбанный придурок.

– По мне, так нормалёк, – ответил Вит

9

2. Приятное местечко для лектория

Вопреки названию, в «Хижине» никто и никогда никакого Тома даже и в глаза не видел, однако это мало кого настораживало. И даже отсутствие там его племянников и племянниц воспринималось завсегдатаями сдержанно, без чрезмерной паники.

Хозяйка заведения, мадам Гарриет, несмотря на её неоспоримо преклонный возраст, так и не утратила на редкость едкую стервозность и неуловимо быструю реакцию гремучей змеи.

Ни один ковбой с даже самого Дикого Запада ей и в подмётки не годился, если сравнить миллисекунды, затрачен-

ные им на выхват из кобуры... навстречу её, уже молниеносно вскинутому, оружию.

Правда, вместо увесисто шестизарядного кольта, в кружевном кармане своего фартука старушка держала баллончик лакриматора. Такое вооружение превращало традиционную бейсбольную битку из-под стойки в пережиток, смехотворный своей старомодностью.

(По данным опроса журнала «Фырпс», на Полудиком Западе, бармены,

работающие на Русскую мафию, отдают предпочтение городошным битам в своём подстоечном арсенале.)

Применение слезоточивых аэрозолей аннулировало должность вышибалы в платёжной ведомости заведения.

Сочувственно причитая, эта гюрза старая, безглаголю, двумя пальчиками хватала укрощённого хулигана за ухо, и собственноручно выводила его за дверь, где указывала направление к ближайшей водонапорной колонке.

Типа она вся такая пушистая, как божий одуванчик. И типа бедолага мог хоть что-то разглядеть сквозь ручьи слёз и соплей, размазываемых по всей морде.

Затем она уползала на кухню, эта кобра подколотная, под видом умыться руки, для гигиеничности, но на самом деле – за подхалимажными комплиментами со стороны работавшего на неё персонала...

В дневное время «Хижина Дяди Тома» представляла собой уютную столовую для соответствия налёку на семей-

ственность в своей вывеске, а вечером превращалась в ресторан вполне заслуженной репутации, потому что мадам Гарриет держала отличных стряпух и стряпунов.

(Не вдаваясь в скользкие детали с оттенком расизма – мы отнюдь не борзописцы на откупе у чёрной сотни – просто отметим вкратце, что – да, конечно цвет кожи шеф-поварихи тоже соответствовал, ведь это Хижина Дяди Тома, в конце концов.

Превосходная еда, помноженная на обволакивающую приятность атмосферы в стиле старосветской усадьбы какого-нибудь из южных штатов: Вирджиния, Алабама, Джорджия, которая Georgia on my mind...

Однако же не взъярённым ором Рея Чарльза, а в классическом варианте этой дважды песни года (1930 и 1953), примерно как исполнял её солист в бэнде цыганского виртуоза Джанго, он же Султан, ну, вы понимаете, о чём я...

Так что при случае посетите, хотя та стерва, с её карманными баллончиками, мне и копейки не платит за рекламу и устный пиар, разве что в полгода раз чаем угостит. И то без сахара, скряга брюхоногая!..)

...

Вит сел в угловом отсеке и отклонился от стола назад, до упора в плотную обивку, сулившую всем прислонившимся покой и безмятежность приятного отдохновения. А если и не с ней, то когда-нибудь позже, но точно случится. Во всяком случае, такие вот примерно мысли она всем навевала, обивка

эта.

Рука его привольно пролегла по верху спинки, поглаживая кончиками пальцев её кожу цвета... ну, в общем, цвет кожи, обивочной, проявлял солидарность с духом интерьера.

К счастью для тех, кто слишком быстро устаёт следить за непринуждённо изящным разлитием мыслию по дереву в той манере, как она текла в двух предыдущих абзацах, упитанная фигура Лекса нарисовалась возле входа. Как раз вовремя...

Двойной подбородок вальяжно распирал расстёгнутый воротничок его рубахи. Снятый пиджак наброшен, а и скорее даже повешен поверх левого плеча, драпируя левостороннюю часть неспешно приближающегося торса.

Номер зависания исполнялся, можно сказать, просто вызывающе – без лонжи или подстраховки, хотя в округлом плече Лекса и близко нет ни малейших вешальных крючков. Не всякий пиджак отважится занять настолько раскованную, но и, вместе с тем, рискованную позу.

С другой же стороны, свисание из такой крайне неортодоксальной точки придавало затронутому предмету туалета дух залихватской бесшабашности, если взглянуть со стороны. Зависнув таким образом, пиджак сообщал телистой обширности Алекса намёк на возможную распрямлённость во весь рост, если что... при случае.

В общих же чертах, кореш Вита смотрелся браво. Ни дать ни взять – гусар Царской армии в парадной униформе, в ко-

торуую совали руку через всего один только рукав, оставляя второй болтался непродетым.

(Прикинь, а? Весь личный состав данного рода войск, все как один – в один и тот же, даже если ты левша... А куда нахрен денешься – элитные войска, блин, тут нарушение формы одежды недопустимо.

И вся эта хрень полуодетая именовалась «ментик» (прошу прощения у полицейских-недоростков, но термин выдуман не мной).

Но ты ж посмотри на Лекса! Этот сорви-голова даже гусаров переплюнул, оставив оба-два рукава висеть пустыми! А и к тому же, у него нет усов, столь близких сердцу истинных кавалеристов и пешеходов с бандитскими наклонностями...)

– Скажи-ка, друг мой, – произнёс Лекс, когда донёс-таки и сбросил пиджак на спинку двухместно длинного сидения напротив Вита, чтобы утомлённо плюхнуться рядом с ним (с пиджаком, если кому-то не дошло). – С чего это Реальные Пацаны настолько предсказуемые? За полквартала до «Хижины», я знал, что ты будешь сидеть в углу. Неважно – в правом или левом: угол есть угол. Но почему?

– Дать возможность черни с восторгом лицезреть реально крутого красаву, должно быть, – предположил Вит.

– Вон оно что! А я-то думал, будто угол дорог вам как выгодная позиция, чтоб с ходу усечь появление нового крутого. Какого-нибудь выскочки, что заявился провести хронометраж – вправду ль ты так скор, выхватывая ствол. Может

быть, в этом ответ на почему?

– Вопрос «почему» открывает шлюз для двух как минимум зеттабайтов всяческих предположений, и каждое из их потопа впоне допустимо, – ответил Вит уныло как педагог, уставший толочь для бестолочи воду в ступе.

– Да ну? Кошмар! Ладно, чтоб не утонуть – вернёмся к файлу, который я немножко спёр, пользуясь служебным положением. По сути, этот файл нечто вроде приходно-протокольной книги...

– Цыц! Тебе на голову кирпич шмякнулся? Или крыша поехала? Или вы все вместе тронулись? Да ты никак пьян, дружище! Надрался, что и себя не помнишь? А если я в кармане микрофон запрятал? Учти: всё, что ты скажешь, может быть использовано против тебя и твоей многострадальной, впоследствии, жопы!

Лекс презрительно покачал головой:

– Забудь эту херню, чувак, она устарела. Теперь уже никакие записи не в счёт, даже с чистосердечной исповедью последнего подонка. Мир не стоит на месте. Рост научных достижений сорвался с последних тормозов, и мой адвокат запросто докажет, что ты просто клюнул на мою подъёмку. Ведь в твоей записи одни только голые слова и, хотя голос мой, – где доказательство злонамеренного умысла?

Проснись и пой, приятель! На дворе век 2-х-факторной аутентификации! Ни один суд не станет рассматривать дело на основании слов, без хорошо задокументированных мыс-

лей, где я планирую всё это проверить. Или додуманных потом, по ходу преступления. Нет, милоч, просто действия – без 2ФА – уже не улика. Даже если тебя поймали с дымящимся стволом над трупом, изрешечённым в клочья, или со спущенными штанами перед средней группой детского сада. Неважно. Ты являлся жертвой манипуляции, тебя подставили посредством ретроактивной подтасовки причинно-следственной связи. Да, сэр. Глумливый трюк правнуков твоей родной сестрички. В отместку, что ты не дал той дуре, сестре, то есть, конфету в возрасте трёх лет. А та взяла и заплакалась на видео, которое это сволочьё, будущие потомки, найдут на чердаке дома своей прабабки.

Ну как? Унюхал откуда ветер веет? Преступление – это лишь то, что подтверждается через 2ФА, всё прочее – ненаказуемо.

– Выходит, если взломают ящик моей электронной почты, с твоим предложением грохнуть президента, но нет записи твоей шальной мыслишки: «А не послать ли эту херню Виту?», к тебе не подкопаться?

– Вот именно! При таком раскладе, я остаюсь чист, как 22-летний младенец, чей папа владелец мульти-национальной корпорации! А взломщики пускай потрахают друг друга в жопу в твоём ящике. Прошу пардона за ненормативную лексику.

– Так вот почему ты не послал мне файл?

– Файл в твоём ящике, плюс запись моей мысли, при его

отправке, изобличат меня по полной. Что тут непонятного?

– Запись мыслей? Ты вообще опохмеляешься, хоть иногда?

– Мэн, это как раз то, чем я занимаюсь на своём рабочем месте. Не в смысле опохмела, а касаясь записи мыслей. Чего-нибудь слышал про ноосферу?

– ? – Откликнулись плечи Вита в полном недоумении.

– Оказывается, кроме атмо- и/или стратосферы, успели уже нарыть ещё одну – ноосферу. Состоит из мыслей всех, кто в состоянии думать. Любые помыслы, даже самые тайные, открыто плавают в ней, как волны от радиостанции.

Однако эта аналогия хромает, поскольку радиосигнал имеет свойство затухать, а наши мысли становятся частью ноосферы навсегда. Неугасимы, нестираемы, открыты. Правда, пока что технология не слишком совершенна, но порог преодолен, и прочее – вопрос времени. Теоретически, ты сможешь настраиваться и считывать мысли, скажем, Леонардо, когда он малевал свою Мону Лизу.

– Как насчёт мыслей твоего папаши, когда выпрыскивал тебя из своих чресел в толпе похожих на тебя как две капли, но не настолько шустреньких сперматозоидов?

– Тут уж придётся попотеть. Необходимо вычленив его мысли из мыслей остальных мужчин в ходе идентичного процесса. Отминусуй ещё крупных приматов по зоопаркам всего мира и на воле. Эта публика себе на уме, забили на эволюцию, чтоб не впрягаться в общий трудовой процесс...

Схожие как двойники, мысли в ходе оргазмов за последние пять миллионов лет, наверняка покрывают землю несчётными слоями, — от уровня моря и до высот Джомалунгмы. Понадобится подключать Искусственный Интеллект, для корректного анализа, но, в принципе, задача разрешима.

— Бред сивой кобылы! Легенды, мифы и сказочный фольклор группы анонимных алкоголиков в палате номер шесть!

— Я понимаю, идея так же непривычна, как и мобильная связь, если показать её прабабке Чингиз-хана. Но люди быстро втягиваются. Чё — ноосфера? Просто ещё одна упаковка вокруг этого шарика. Набита мыслями, как атмосфера атомами кислорода.

Ты видел хоть один атом кислорода? Нет, не видел. Но дышишь ими. Навал мыслей чётко сформулированных, недопродуманных, брошенных на полпути и вновь пришедших в голову...

— Им там не тесно?

— В голове?

— Нет, в той ноосфере. Роль стартового пистолета, очевидно, досталась заклинанию «да будет свет!», а с тех пор успели столько всякого надумать-передумать, что все свалки, склады и хранилища остались под широкой гладью взбухающего потопа.

— Вам вроде как начинает брезжить, милый друг, и это отрадно. Однако мыслите вы, покуда что наивно — квадрат-

но-гнездовым подходом. С таких позиций – да, должно быть тесновато, всем мыслям, что появлялись даже в ходе эволюции всего одной отдельной особи: начиная от «где же мама? хочу титю и пи-пи!» и до «грёбаная сиделка! судно не несёт! возму и помочусь в пижаму ей назло!»

Они рождаются, но не исчезают – миллионы, миллиарды мыслей. Каждый миг. Угрюмое увещевание Мальтуса, для них – что зайцу стоп-сигнал. Причём, имеются обоснованные подозрения, что мыслит всё живое – от одноклеточных, до сталагмитов. Тоже приплюсуй в общий навал...

Но! Они неосвязаемы, струятся одна сквозь другую, одна внутри другой, неважно чьей. Мысля в мыслé! Глубинно неоднократное внедрение. Покруче, чем у радиоволн, залётных квантов и всякой хренотени, которая нормальным чувствам не лезет в голову. Вы мысль улавливаете, студент? Учтите, на зачёте – погоняю.

– Ну раз они такие неощутимые, то меня мало чешут их гольфстримы и мальстрёмы из матрёшек одна в другой, или где там ещё они кучкуются.

– Повсюду, кореш! В тебе, во мне, вот в этом вот столе. Мысли, мысли, мысли, мысли...

– Ты извратил цитату, в оригинале Гамлет говорит: «... слова, слова...» и далее по тексту.

– Слова хранению не подлежат. Слишком хрупки, их часто нарушают, ломают, забывают, теряют безвозвратно. Другое дело мысли, эти всегда тут. В составе ноосферы.

– Спасибо за увлекательную сказочку, но как тёртый деревенщина, я верю только в то, что получается пощупать.

– И сколько раз ты щупал радиоволну?

– Не приходилось как-то. Зато я могу включить приёмник, который мой папаня смастерил ещё в прошлом тысячелетии – и послушать прогноз погоды.

– Дикторы читают, а ты, раскрыв хлебальник, веришь в движение облаков, до которых не дотянешься пощупать. Кстати, есть парни, что неплохо зарабатывают на чтении мыслей.

– А, брось! Ещё ни один медиум не смог надуть комиссию из Института

Паранормальных Явлений.

– При чём тут медиумы? Я про парней, которые работают в той же конторе, где и я. Крутишь регулятор настройки на мысли в ноосфере, только и всего.

– Как в радиоприёмнике?

– Типа того.

Вит присмотрелся к другу повнимательней.

Чтобы прогнать такую дуру, нужен неслабый подогрев. Но, нет – глаза на месте, без вдохновенной остекленелости. И нет кругов, от синего до пурпурно-красных... И носом не подшмыгивает, по инерции...

(Ну, тоиссь, кореш всё это ушкварил не под дозой, а в натуре. И гонит круче, чем сам Исаак НьютОн, прикинь? Или таки всё ж НЬЮтон?)

– Ладно... Допустим, – раздумчиво начал Вит, – что это всё не лохотрон, подоброщенный враждебными пришельцами с Тау Кита, как тривиальная уловка Троянский Конь. Но я и отдалённо не могу представить...

– А ты готов отдать двадцать лет свой драгоценной жизни, – перебил его Лекс, – чтобы представить эту хрень хотя бы отдалённо? Довольно сложный, бя, для постижения раздел науки. И под всё это фундаментальное мозгодёрство подсунут какой-то незыблемый Алгоритм Хаоса.

10

3. Полнейшая падлянка – вылом за миг до кайфа

К их столу подошла официантка Сэлли. Для тех, кто не сразу догадался, этот факт подтверждал баджик на её восхитительной груди, на левой, поверх ослепительно белой блузки.

(Чтобы не оставлять пищи для недоразумения тем, кто читает с пятого на десятое, как и я, когда с устатку и до кондиции не сконцентрирован, не помешает подчеркнуть, что поверх блузки находился только баджик, и никакой другой член в этом элегантном предложении.)

В согласии с привычной колеёй, спешившей всякий раз пролечь перед ним при в общении с персоналом женского пола – будь то паркет, ламинат или облицовочная плитка, и неважно: в стенах бюджетной организации или частного сектора (и даже время суток ничуть не сказывалось на глубококолейном рефлексе), Вит ловко перехватывал пробные ша-

ры произвольных сигналов от её подсознания напрямик в его адрес.

Все те «метеозонды», самопроизвольные, о которых отпавительница ни сном ни духом. Даже не то чтобы без понятия, а вообще не в теме. Метод зондирования не является раз и навсегда установленной рутиной. Тут тебе и стрельба глазками, но не по снайперски, одиночными, а затяжными очередями, чтоб, если зацепило, – завалить, пока не ухромал в укрытие.

Возможны подмиги, как прицельное вбивание гранат, опять-таки и по одному, и дуплетом. А для психической атаки – неспешная пробежка языка вдоль оттопыренной пары губ до упора. На финише, в уголке рта, он там и тормознёт, торчать или висеть (размеры разные, сам знаешь), как бы забытый там, чисто по рассеяности. Да мало ли! У грёбаного подсознательного этих спонтанных импульсов бессчётно, походи-ка, угадай откуда шандарахнет... но, как всегда, аукнется ниже пояса.

Кому вообще они упали: фонетика с орфографией, зубрёжка курсов по всяким иностранным языкам? Будь то задаром, а хоть и с платным репетитором.

Всё это – полная тень на плетень, которая темнит и застит язык тела. А ведь оно – тем более такое, как у этой миллени-умницы, у Сэлли с баджиком на блузке слева – имеет право на свободу самовыражения. Полную, без ограничений.

Даже для дам предварительных поколений, клеймивших-

ся заглавными Пи или ЭМ, издёрганных тревогами, измызганных долгой эксплуатацией самих себя и окружающих, всегда найдётся тёплый уголок симпатии, эмпатии, и всех прочих слов, равнозначных "сопереживанию", в большом, всегда в готовности номер один для отклика, сердце рыцаря и джентльмена – Вита.

Да что там говорить! Ведь и для престарелой леди, чья девственность совпала с выпендро-рокнрольными крутасами уже давно забытых всеми битников, он в состоянии взять и отмотать вспять лет эдак 65, и уже там, откровенно восхититься высоким темпом степа крепких ног, обтянутых тугим нейлоном – шикарно чёрные чулочки с чётким швом стрелки, протянутой вверх от пяточки. Этот последний писк моды, слегка попискивая на бегу, трётся меж разгорячённых ляжек – ну, не спеши ты так уж чересчур, успеешь, всё будет хорошо, и он конечно же дождётся, прикуривая от сигареты сигарету, свой “Лаки Страйк”, и это станет шикарнейшим свиданием всей жизни! да! полный шик и блеск! до головокруженья! До поздней ночи и предрассветных сумерек, пролившихся в салон самой шикарной из моделей «Форда» (Крестлайн Виктория)... на опрокинутых сидениях! А!. беби! О! О! Ещёёёё! ...mmm... о, Томми, милый... – и грустно усмехнуться, всё с той же понимающей эмпатией, вслед её дурацкой шляпке без полей и с тощим пёрышком, торчащим из присобранной вуали, что трепыхается в такт с припрыжкой, которую никак не удержать... она бежит... она

его не слышит... там... в её недостижимом далеке...

По своей натуре, которая особо себя не афиширует, а сидит в глубине души, он – бабник, влюблённый во всех женщин мира, как по отдельности, так и скопом. И он готов любить и дальше: безвозмездно и без нахрапистого «вынь да положь!» (никак не его стиль), а с джентльменски рыцарской ленцой: да – да, нет – нет; особо палку в этом направлении не гнёт, как впрочем, и в прочих остальных: на него где сядешь, там и встанешь.

Короче, в двух парах слов, – дамский угодник и благодушный социопат, этот наш приятель, Вит.

Касаясь же остального спектра махрово всяческих борцов за эмансипацию нетрадиционных предпочтений, то он на них не катит бочку, нет, из принципа. Он может лишь плечом, без комментариев, пожать (левым, как правило): ну что ж – каждому своё, и каждый сам пускай распоряжается тем, что уж там кому досталось, а у него (нелишне будет повторить) мировоззрение стоит, стояло, и стоять будет на принципах:

- невмешательства,
- уважение прав на самоопределение, и
- неприкосновенности границ, в быту и на международной арене...

Да, спектрально пёстренькие борцы излишне патетичны, а и насчёт жеманности переживают, но в целом – шара как шара, общаться можно, бесконтактно...

Конечно, материться не умеют, не въезжают в силу живящих слов, а враз впадают в мелодраматизм. Но кто, скажите мне, без недостатков?

Любые вкусы, безусловно, от Природы (либо определены господствующим трендом), и тут: чему уж быть, того не миновать, не так ли?

Хотя порой её творений даже жалко, запрут сдуру крутую тачку в гараже, и этот яркий артефакт изошрённой инженерной мысли пылится там безвыездно. Всё потому, что мать грёбаная Природа заставила их сесть за баранку шкарабанки полного дерьма. Но тут не стоит права качать, тут ловить нехер, против МамханА не попрёшь. Так что, чисто из толерантности, мы обойдём полемику о вкусах, пустой базар нам ни к чему.

Калина-Лада для них слаще? Ну пусть с ней ловят кайф. Гурманьё, в гробину мать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.